

В.И. Козлов

Введение

ематический сборник, предлагаемый вниманию читателей, посвящен двадцатилетию со времени создания Сектора этнической экологии в Институте этнографии (ныне «этнологии и антропологии») АН СССР (ныне Российской АН), что было оформлено Приказом бывшего тогда директором Института академика Ю.В. Бромлея от 14 октября 1981 г. В действительности же этот срок должен быть увеличен на год, т.к. основу Сектора составила образованная в середине 1980 г. Лаборатория группового (этно-популяционного) долгожительства, а до того «проблемная группа» по той же теме под моим руководством. Известно, что структура гуманитарных институтов Академии Наук весьма консервативна, поэтому возникновение нового сектора было обусловлено рядом обстоятельств, на которых следует хотя бы кратко остановиться.

Существует особая, относимая к медицине, наука о старых людях - геронтология, в которой долгожителями принято называть людей в возрасте 90 лет и старше. Материалы переписей населения показывают, что по территории страны явление долгожительства распределено очень неравномерно и что наибольшей концентрацией их отличаются республики Закавказья. Это подкреплялось и рассказами о том, что в горах Кавказа живут мудрые 100-150-летние старцы. Районы concentra-

ции долгожителей привлекали внимание и исследователей. В одном из таких районов – Абхазской АССР – в конце 1930-х гг. побывала небольшая группа научных работников Института геронтологии АМН СССР (г. Киев) под руководством академика А.А. Богомольца, однако результаты их наблюдений остались малоизвестными. После Великой Отечественной войны проблемами долгожительства занимались отдельные разрозненные исследователи, вроде азербайджанского профессора М.Н. Султанова, издавшего в 1982 г. книгу «Азербайджан – страна долгожителей», включавшую недостоверные сведения о каких-то 150-летних старцах.

За разработкой стратегии и тактики - директор Нью-Йоркского института по изучению человека др. Вера Рубин и научный руководитель Закавказской экспедиции проф. В.И. Козлов (1982 г.)¹

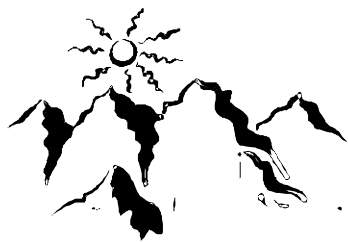
Рассказы о кавказских долгожителях вышли далеко за пределы СССР. В 1971-1973 гг. на Кавказе, пре-

---

¹ Здесь и далее, если это не оговорено особо, фотографии – из архивов авторов статей.

имущественно в Абхазии, трижды побывала американка польского происхождения антрополог доктор Сула Бенэт. По результатам своих наблюдений, с привлечением советских источников, она опубликовала две книги: «Абхазы — долгожительский народ Кавказа» (Нью-Йорк, 1974) и «Как жить, чтобы стать столетним. Стиль жизни народов Кавказа» (Нью-Йорк, 1976). Обе книги страдали довольно поверхностным анализом проблемы, что и неудивительно для почти одиночной исследовательницы, слабо знавшей русский язык и проводшей на полевых работах в общей сумме около полугода. Однако вопросы увеличения продолжительности жизни привлекают многих людей, и неудивительно, что книги Сулы Бенэт получили в США довольно широкую известность и, в частности, привели к широкому распространению там йогурта как напитка, «способствующего долголетию».

Фактически, работа по комплексному изучению феномена долгожительства, как новой для Института этнографии теме, началась с мая 1977 г., когда было заключено научное соглашение между Дирекцией института и прибывшей в Москву группой американских ученых (включавшей и Сулу Бенэт) во главе с Директором института по изучению человека (Нью-Йорк) антропологом доктором Верой Рубин (дочь российского эмигранта). В американскую группу входили руководители двух близких по тематике исследовательских проекта: общины меннонитов в штате Канзас и шотландско-ирландской общины в штате Кентукки. Тема, получившая название «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей» имела две важные особенности по сравнению с предпринимавшимися ранее работами геронтологов. Первая

из них состояла в комплексности исследования, в частности – в широком привлечении этнографических и антропологических материалов. Вторая – в популяционном и групповом подходе в этом

проблемам, при котором изучаются не отдельные долгожители (таковые есть и в Москве), а значительные группы населения, в которых исторически возник и закрепился феномен долгожительства.

Для работы над этим проектом Институт этнографии АН СССР, взявший на себя функции головной организации, привлёк научные группы НИИ антропологии МГУ, Института геронтологии АМН СССР и Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. В качестве первого объекта исследования были взяты группы сельского абхазского населения на территории Очамчирского и Гудаутского районов Абхазской АССР. В связи с этим активное участие в полевых исследованиях приняли этнографы Абхазского института языка, литературы и истории.

В 1978 г., отведенном на подготовительные работы, в ходе продолжавшихся научных контактов между участниками проекта были выработаны основные принципы исследования и в связи с предложенными гипотезами долгожительства (генетической, экологической, этнографической и др.) – набор основных показателей, которыми должен характеризоваться каждый долгожитель, подлежащий обследованию, и популяция в целом. Летом 1978 г. были проведены первые, носившие в значительной степени предварительный характер, полевые работы в селах Очамчирского района. В качестве базы для стационара было выбрано село Члоу, где на 2,5 тыс.

жителей по материалам текущего учета числилось около 40 человек в возрасте 90 лет и старше. В составе организованной комплексной экспедиции (начальник – к.б.н. А.А. Воронов, научный руководитель д.и.н. В.И. Козлов) действовала несколько этнографических отрядов, антропологический, геронтологический и медико-биологический отряды, а также группа экологов и психологов. Одним из важных результатов этой работы была проверка возможностей совместной деятельности всех подразделений такой уникальной комплексной экспедиции в условиях созданного стационара. Другим – выработка методики подхода к выбору людей, подлежащих обследованию и приемов верификации (доказательства, проверки) возраста долгожителей, не имеющих свидетельств о рождении или других, заменяющих эти свидетельства материалов.

В базовых пунктах, где разворачивались стационары, предусматривалось составление двух списков людей. В первый из них, названный «долгожительским», входили собственно долгожители (т.е. люди с верифицированным возрастом 90 лет и старше), а также их живущие в данном селении родственники. В этот список включались и прямые родственники долгожителей, умерших после 1950 г в возрасте 100 лет и старше. Вторым списком, представлявший «контрольную» группу, составлялся путем адекватной (по полу и возрасту) выборки из жителей селения в возрасте 16 лет и старше, не попавших в «долгожительский» список и не имевших даже дальних связей с долгожителями. Такой отбор людей, подлежащих обследованию, наиболее отвечал проверке генетической гипотезы долгожительства и не препятствовал разработке других гипотез, уточнявшихся в ходе исследования.

В соответствие с названием и содержанием темы программа исследований по ней состояла из двух основных частей: биолого-геронтолого-антропологической и социально-демографо-этнографической. Это деление несколько схематично, т.к. биологические и социальные факторы совместно действуют на организм человека, определяя его здоровье и долголетие, а некоторые факторы, например, психологические, трудно отнести целиком к биологическим или к социальным. Тем не менее, такое деление оказалось полезным не только в научно-теоретическом, но и в научно-организационном отношении. Каждая из этих частей включала несколько разделов, ставящих своей основной задачей проверку различных гипотез долгожительства. В биолого-геронтолого-антропологическую часть входила разработка и проверка генетической и близкой к ней антропологической, природно-экологической, физиологической (особенности питания и пр.) и личностно-психологической гипотез; в социально-демографо-этнографическую часть были включены проверка демографической, трудовой, жилищно-бытовой и геронтофильной (социально-психологической) гипотез долгожительства.

Проверка всех гипотез группового (популяционного) долгожительства базировалась на верифицированном возрасте долгожителей. Верификация возраста входила в число основных задач почти всех этнографических отрядов, и на решении ее следует остановиться подробнее.

Первым свидетельством наличия феномена долгожительства у тех или иных этнических групп были опубликованные материалы переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. Первичные материалы этих переписей (переписные формуляры) хранились в архивах ЦСУ

СССР, получить их не удалось, но было известно, что сведения в них (в том числе и о возрасте) записывались по заявлениям самих опрашиваемых; переписчикам рекомендовалось проверять возраст у людей, заявивших, что они достигли 100 лет и более, но сведений о такой проверке не было обнаружено. При работе в полевых условиях сотрудники этнографических отрядов пользовались книгами похозяйственного учета, хранившихся в сельсоветах и содержащих сведения о половозрастном составе семей, занятиях ее членов, об их национальности. Для жителей 60 лет и старше сведения о возрасте были записаны с их слов, т.к. в досоветский период свидетельства о рождении не выдавались; да и в первые годы советской власти работа ЗАГСов была еще не надежна.

Было известно, что старые люди, особенно мужчины и особенно в геронтофильной среде склонны преувеличивать свой возраст, в чем их поддерживают ради семейно-родового престижа их молодые родственники. Поэтому показания детей и внуков старых людей обычно не принимались во внимание, и верификация их возраста проводилась путем доверительной беседы (через переводчика) об основных событиях их жизни с привязкой некоторых из таких событий к хронологически известным событиям более широкого масштаба. Одним из таких событий был «большой снег» - обильный снегопад 1911 г., заваливший одноэтажные дома во всех селениях Абхазии почти до крыш, так что для передвижения жители прокапывали в снегу траншеи.

В результате проведенной верификации возраста число реальных долгожителей среди абхазов сократилось примерно втрое (из 137 «номинальных» долгожителей в Очамчирском районе проверку прошли лишь 45 человек), да и степень долголетия поуменилась – за

100 лет вышли лишь немногие. Вопреки распространенному мнению число реальных долгожителей среди женщин оказалось почти вдвое больше, чем среди мужчин, однако почти все столетние люди были представлены мужчинами.

В 1979-1982 гг. для изучения долгожительства среди абхазов были организованы еще два стационара: в селе Джгерда Очамчирского района и в селе

Дурипш Гудаутского района. Результаты этих исследований были представлены в двух тематических сборниках – «Феномен долгожительства» (М., Наука, 1982) и «Абхазское долгожительство» (М., Наука, 1987), а также в материалах советско-американской конференции по проблемам долгожительства (Proceedings of the First Joint US-USSR Symposium on Aging and Longevity. N-Y., 1982. Vol. 1-2.)

Еще до полного завершения исследовательских работ в Абхазии силами этнографических отрядов начались рекогносцировочно-верификационные работы на территории Азербайджанской ССР, в которых приняли участие этнографы Института истории АН Азербайджана. Эти работы были более сложными, чем в Абхазии, т.к. по численности азербайджанцы превосходят абхазов более чем в 60 раз (среди них на 1979 г. числилось по данным переписи 13,7 тыс. номинальных долгожителей), а этническая территория азербайджанцев по площади больше абхазской примерно в 40 раз. По переписным данным, средний показатель долголетия (отношение числа долгожителей к числу всех людей старше 60

лет) среди азербайджанцев несколько уступал абхазскому, а по территории Азербайджана феномен долгожительства распределялся сравнительно равномерно с повышением его «плотности» в западных, юго-западных (включая восточную Нахичевань), центральных и северо-восточных районах.

Вследствие больших размеров этнической территории азербайджанцев и различиям в природных условиях, верификация возраста старых людей была более сложной задачей, чем в Абхазии. Основные хронологические «репера» в разных частях Азербайджана были различными; в одних случаях на первый план выступали разрушительные землетрясения начала XX в., в других – азербайджанско-армянские столкновения 1905 г. и особенно 1918 г., когда почти вся территория Азербайджана была занята турецкими войсками, и т.д. Всего на территории Азербайджана, в различных селениях – от Казахского района на западе до Лерикского района на востоке и от Нахичеванской АССР на юге до Кусарского района на севере – было обследовано более 800 «номинальных» долгожителей, среди которых реальными долгожителями оказались лишь 170 человек. Число долгожителей-женщин, как и в Абхазии, оказалось вдвое больше числа долгожителей-мужчин, а среди «рекордсменов» долгожительства почти никто не превышал 110 лет. Только в Кельбаджарском районе (западный Азербайджан) был обнаружен старик Ядигар Киши, возраст которого после тщательной верификации был установлен в 125-127 лет (в известной книге рекордов Гиннеса такие долгожители не отмечены). К сожалению, однако этот старик умер еще до завершения наших работ в Азербайджане.

Мы предполагали организовать на территории долгожительских районов Азербайджана 2-3 стациона-

ра, как это было в Абхазии, но пришлось ограничиться лишь одним – в западной части республики возле села Верхняя Аскипара Казахского района, где таковой был организован осенью 1985 г. После 1985 г. исследование феномена долгожительства в Азербайджане постепенно прекратилось, что было обусловлено рядом причин, но прежде всего – уменьшением необходимости их продолжения. Яркость этого феномена среди азербайджанцев сильно померкла в результате верификации возраста, показавшей реальность лишь около 20% всех «номинальных» долгожителей. Картина распределения долгожителей по территории Азербайджана оказалась очень пестрой с признаками случайности, что подрывало гипотезу об этнической природе этого феномена. Условия экспедиционной работы в Азербайджане оказались более тяжелыми, чем в Абхазии с ее прелестями черноморского побережья, и многие сотрудники Института геронтологии стали избегать выездов в поле. Немаловажную роль сыграла и смерть Веры Рубин в начале 1985 г., что привело к резкому ослаблению связей с американскими коллегами, уменьшило престижность «советско-американского проекта».

Результаты исследования долгожительства в Азербайджане нашли свое отражение в тематическом сборнике «Долгожительство в Азербайджане» (М., Наука, 1989).

Основные результаты исследования явлений группового долгожительства у этно-популяционных групп абхазов и азербайджанцев изложены в названных выше книгах и в моей монографии «Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы» (М., 1994). Пространно повторять их считаю нецелесообразным; остановлюсь на них лишь кратко, начав с того, что реальных долгожителей у народов Закавказья оказалось

гораздо меньше, чем об этом говорили материалы переписей населения. Да и разговоры о 150-летних старцах оказались мифами; среди верифицированных долгожителей оказалось очень мало таких, чей возраст близок к 110 годам (Ядигар Киши – случай исключительный) и именно этот возраст, вероятно, характеризует максимальную видовую продолжительность жизни *Homo sapiens*, массовый выход за пределы которого невозможен и в будущем.

Было сильно поколеблено представление о том, что долгожительство присуще жителям гор. Подавляющее большинство абхазов живет на прибрежной равнине с высотами до 800 м над уровнем моря. Большинство азербайджанцев, включая долгожительские семьи, обитают примерно на такой же высоте в долине р. Кура. Наши рекогносцировочно-верификационные отряды в Азербайджане поднимались и на высоты чуть выше 1000 м, но концентрации долгожителей там не обнаружили. Возможно, что представление о высотных долгожителях возникло лишь вследствие трудностей верификации возраста в горных районах.

Пришлось вносить коррективы и в пищевую гипотезу долгожительства, объясняющую это явление особенностями традиционного питания. Правда, диета абхазов оказалась близка к рекомендуемой геронтологами для пожилых и старых людей: в ней мало жиров и белков животного происхождения, повышающих уровень холестерина. Но диета азербайджанцев, не исключая и долгожителей, включала довольно много мяса, в том числе – жирной баранины. Напрашивался вывод о том, что в данной гипотезе следует учитывать не столько состав пищи, сколько степень адаптированности к ней на протяжении длительного времени, ее неизменяемость в

сельском быту на протяжении столетий, отсутствие в ней вредных компонентов и т.п.

Все другие гипотезы долгожительства не были поколеблены. Нашла свое подтверждение генетическая гипотеза, объясняющая долгожительство набором каких-то «генов жизнестойкости», передаваемых по наследству. По антропологическим показателям все долгожители оказались невысокими людьми худощавого телосложения. Особо следует подчеркнуть важное значение психологических факторов долгожительства как на личностном уровне (подавляющее большинство долгожителей – сангвиники и интроверты), так и особенно на социальном уровне – существовании геронтофильной атмосферы, подчеркнутого уважения к старым людям, обращении к ним за советами и т.п.

Не менее интересным было и другое, этноэкологическое по своей сути исследование, развернутое нами в Закавказье.

На экспедиционных маршрутах в Абхазии и особенно по Азербайджану нам иногда встречались селения с численно преобладавшим русским населением, переселившимся в то или иное время из губерний Европейской России. Особый интерес представляли селения сектантов – молокан и духоборцев², высланных в Закавказье из южной России еще в середине XIX в. Как ни странно, но никто до нас не исследовал жителей этих селений в этноэкологическом отношении с целью установить основные принципы выбора мест для поселений и механизмы налаживания системы жизнеобеспечения в новых для поселенцев природных условиях, и насколько успешной была их адаптация, не отразилась ли она на их здоровье. Почти за полтора столетия жизни в Закавказье у сектантов

---

² В публицистике и научной литературе XIX-XX вв. встречался также термин «духоборы».

сменилось шесть поколений, но они до последнего времени сохранили замкнутость и консервативность жизни сельских общин, ограничивавших и выбор брачных партнеров, что могло отразиться в изменениях их физического типа по сравнению с местами их давнего выхода. Короче говоря, перед нами встал ряд вопросов, поиски ответов на которые и составили основу исследовательской темы «Этническая экология русских переселенческих групп».

Сектанты жили во всех республиках Закавказья, причем молокане – преимущественно в Азербайджане и Армении, а духоборцы – уменьшившиеся в численности после эмиграции почти половины их в конце XIX в. в Канаду, - в Грузии. Впрочем, культурно-бытовые различия между молоканами и духоборцами были невелики и их можно было сравнительно легко соединить в единый исследовательский проект, чего не скажешь об единичных селениях субботников.

Результаты исследования сектантских селений в Закавказье представлены в нескольких статьях и тематических сборниках (см. далее очерк Н.А. Дубовой), последним и в какой-то мере итоговым среди которых была книга «Духоборцы и молокане в Закавказье» (М., 1992). Пересказывать подробно содержание этих сборников считаю нецелесообразным и остановлюсь на некоторых основных выводах.

Места для прибывавших в Закавказье поселенцев отводились местной администрацией не всегда удачно, и немало селений вскоре было покинуто. Поселенцы выбирали по собственной инициативе места не в жаркой низменной, а в среднегорной зоне (800-1600 м над

уровнем моря) – в залесенных и горно-луговых районах, используемых местным населением как весенне-летние пастбища. Здесь они ставили традиционно южнорусские бревенчатые дома и формировали улицы, по которым сооружали заимствованные у азербайджанцев крытые водоводы. Основу хозяйства составляло земледелие с преобладанием в посевах местных сортов пшеницы и ячменя, а также повысившейся роли огородных культур и картофеля. Заметно возросла и роль скотоводства на основе близкого выпаса летом и стойлового содержания зимой; постепенно была заимствована от азербайджанцев и система отгона стад скота на удаленные горные летние пастбища. Произошли изменения и в системе питания, в него вошли различные блюда из местной кухни, например, в Азербайджане – долма, кята, мацони и др.

Комплексное обследование русских поселенцев с привлечением антропологов и медиков было проведено в большом селе Ивановка Исмаиллинского района. Это обследование показало, что адаптация русских сектантов к природной и этно-культурной среде их жизни в Закавказье, которую они называют своей «Малой родиной», нельзя считать вполне успешной. Медики установили, что во всех возрастных группах от 20 до 80 лет частота сердечно-сосудистой патологии у русских в 2-3 раза выше, чем у их соседей – азербайджанцев; соответственно была выше и смертность от таких заболеваний. Является ли это следствием давней генетически закрепленной патологии в сердечно-сосудистой сфере или является следствием возникшего в последние десятилетия чувства этнокультурной и социальной ущемленности русских крестьян в Азербайджане (отчасти – в Грузии и Армении) – сказать трудно. Послевоенные переписи населения 1959 – 1989 –х гг. по-

казывают многократное уменьшение численности сельских русских в Закавказье.

Во время экспедиционных работ в Закавказье мы не ставили своей задачей изучение межнациональных отношений между основными, живущими там народами, хотя не могли не учитывать их. Начало экспедиционных работ в Абхазии в 1978 г. почти совпало по времени с довольно острым абхазо-грузинским конфликтом, тлевшим уже давно, но вспыхнувшим после принятия в 1977 г. в Грузии закона, объявившего грузинский язык «государственным», обязательным для изучения в абхазских школах (до того абхазы изучали в качестве второго языка русский). К русским участникам экспедиции абхазы относились подчеркнуто приветливо, к грузинским — настороженно, не позволяли, например, им брать кровь для анализов и т.п. Сокращение работ в Закавказье в 1985 г. было во многом обусловлено вспыхнувшим там армяно-азербайджанским конфликтом из-за статуса Нагорного Карабаха. Этот конфликт перерос в военные столкновения, затронувшие некоторые из изучаемых нами русских селений и заставившие жителей их искать спасение в обратных миграциях в Россию. По счастливой случайности ни один из наших экспедиционных отрядов не пострадал, но работу в Азербайджане и Армении пришлось прекратить.

Предлагаемый читателям тематический сборник посвящен, как сказано и в его названии, особенностям экспедиционного быта в Закавказье, главным образом — в Абхазии и в Азербайджане. Работа в экспедициях или, как говорится, в полевых условиях составляет неотъемлемую часть жизни этнографов, но организация этой жизни до сих пор не привлекала пристального внимания и, во всяком случае, не нашла своего отражения в печати. Мы надеемся, что за нашей публикацией последуют

и другие очерки, в том числе о быте экспедиций, выезжавших на Север, Дальний Восток, Среднюю Азию, в другие регионы.

Должен сказать, наконец, и о некоторых трудностях формирования авторского состава книги. По первоначальному замыслу, в ней могли и даже должны были участвовать все участники полевых экспедиций в Закавказье. Но так, к сожалению, не получилось. Увы, но редакционная коллегия не смогла установить контакт с отличным полевиком к.б.н. А.А. Вороновым, не смогла получить текст и от заслуживавшего всяческих похвал В.А. Большакова. Их имена будут не раз встречаться в воспоминаниях тех, кто работал с ними. Характерно, что В.А. Большаков, перешедший уже давно на работу в другую организацию, отговаривался, главным образом, отсутствием «журналистских» способностей; с таких отговорок начинали, кстати сказать, и многие из задействованных авторов. К счастью, скрытых способностей оказалось больше, чем представлялось, а для более свободного их выявления, редколлегия сняла ограничения по объему статей и не стала устранять некоторые повторы и оценочные характеристики, чтобы не нарушать логику личных воспоминаний. Насколько этот опыт оказался удачным – судить читателям.

